

А.А.Зауэр

ОБРАЗ АВТОРА В СУБДИСКУРСЕ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ»)

Рассмотрен медийный субдискурс домашнего насилия на примере онлайн-версии газеты «Известия». Обозначены факторы его формирования и развития в российских медиа. В частности, они рассмотрены на примере таких вызвавших общественный резонанс тем, как декриминализация домашнего насилия в России и история сестер Хачатурян. Выявлено, что количество текстов о домашнем насилии составляет четверть от объема всех публикаций внутри феминистского дискурса. Представлен анализ авторского начала в новостях и лонгридах. Определены основные типы авторского поведения. Анализ использованной лексики и структуры текстов позволяет говорить о том, что чаще всего журналисты «Известий» занимают профессиональную медийную и правозащитную позиции.

Ключевые слова: медиалингвистика, дискурс, субдискурс, домашнее насилие, СМИ, авторское начало

Тема домашнего насилия образует субдискурс в феминистском медиадискурсе, который является идеологическим. Феминистский медиадискурс включает медиатексты, относящиеся к гендерной проблематике и часто имеющие правозащитную направленность.

Как правило, данный дискурс вступает в конфликт с *патриархальным дискурсом*, базирующемся на традиционных ценностях, основанных на политическом, психологическом и социальном доминировании мужчин. Конкретно под традиционными ценностями понимают «ценности консервативные, выражающие идеологическую приверженность традиционным порядкам, социальным и религиозным доктринам» [1, с. 73].

Благодаря стремительному развитию технологий и вступлению человечества в информационное общество множество ранее невидимых и неактуализированных социальных проблем, среди которых гендерная дискриминация, обрели медийную видимость и значимость. Сторонники феминистской мысли воспользовались данной возможностью, обозначая волнующие их проблемы в новых медиа. В век интернет-технологий и третьей волны феминизма практика доказала, что распространение той или иной информации способствует как никогда ранее быстрому формированию новой ценностной системы, в том числе правозащитной.

О необходимости формирования и развития социально значимых дискурсов в СМИ нидерландский лингвист Т. ван Дейк заметил: «...дискурс и коммуникация, как мы полагаем, играют центральную роль в (транс)формировании идеологии» [2, с. 55]. Он отмечает, что освещение табуированных ранее проблем, таких, как гендерное неравенство или расизм, помогает трансформировать ценностную систему общества путем выведения ранее замалчиваемых проблем на видимый уровень.

О данном социальном феномене сегодня активно говорят и в российском, и в зарубежном медиаполе. Внедрение в СМИ данного субдискурса позволило осознать масштабы социальной проблемы. По данным статистических центров, сегодня в России 24% опрошенных, вне зависимости от пола, сталкивались с насилием в семье, 85% преступлений, направленных на ребенка, также совершаются в семье, 75% пострадавших от жестокого обращения в «круге доверия» — женщины. 79% женщин, осужденных за убийство, защищались от своих партнеров, 3% осужденных за убийство мужчин, защищались от партнеров. Согласно официальной статистике МВД, в 2018 году зарегистрировали 21390 случаев домашнего насилия, направленного против женщин. В 2019 году эта цифра сократилась до 15381 случаев. Правозащитники сообщают о том, что эти данные занижены [3-5].

Особую популярность в российских СМИ эта тема обрела после того, как в 2017 году домашнее насилие было официально декриминализовано. Еще одним поводом стало громкое убийство: в 2018 году три сестры Хачатурян убили своего отца за совершаемое им многолетнее и безнаказанное сексуальное, физическое и моральное насилие. Инфоповоды легли в основу медийной рефлексии о насилии в семье.

Ранее развитие данного субдискурса было рассмотрено нами на примере такого крупного русскоязычного медиа, как Meduza [6]. Были выявлены способы его формирования и социальная значимость его распространения в медийном поле в целом. Сегодня представляется важным детально рассмотреть субдискурс на примере популярных в России СМИ, например, газеты «Известия», являющейся, по версии ресурса «Медиалогия», самым читаемым изданием за 2019 и 2020 гг. [7]. Обращаясь к «Известиям», можно сделать вывод о том, что субдискурс домашнего насилия представляется важным для данного издания. Комплексный анализ медийного поля «Известий» за 2019 год показал, что за это время было опубликовано 233 текста, относящихся к феминистскому дискурсу, из них 56 — к субдискурсу домашнего насилия.

Во время глобальной информационной трансформации медийной повестки дня, необходимо принять во внимание не только тематические доминанты, но и то, как именно они обозначены в медийном пространстве авторами текстов.

Образ автора (также авторское начало, авторское Я) — одно из ключевых понятий для изучения феминистского дискурса. Впервые этот термин ввел В.В.Виноградов, который обозначил его «как важнейший

из инструментов стилистического анализа художественной речи, эффективность которого показана в исследовании языка Пушкина, Гоголя, Зощенко и др. авторов» [8, с. 8].

Сегодня под *авторским началом* понимается «...смысловая часть текста, в которой проявляется речевое поведение автора и его рефлексия по поводу своего текста; оно может включать указание на адресата, его планируемые действия, представляя собой путеводитель по тексту... автор может ограничить свое присутствие в нем грамматикой высказывания» [8, с. 16].

Абсолютное большинство текстов «Известий» о домашнем насилии относится к новостному жанру. Здесь автор выполняет функцию информирования, практически никак не проявляя себя. Уместно говорить об имитации авторства и о том, что Р.Барт назвал «смертью автора» в 1967 г.

В таких новостях как «Шнуров посвятил стих избившему жену Башарову», «Авторы законопроекта о домашнем насилии обратились к силовикам из-за угроз», «ВЦИОМ опубликовал результаты опроса по поводу закона о домашнем насилии» и др. журналисты выступают только в качестве *информаторов*. Согласно мнению Т.В.Шмелевой, данный тип авторов также можно отнести к «*клавиатурищикам*». Она замечает: «...учитывая, что все современные медиатексты создаются за клавиатурой компьютера, его [автора] можно назвать клавиатурищиком, понимая, что это — технический создатель текста, не выражающий своей позиции по обсуждаемым проблемам» [9, с. 32].

Более того, автор-новостник не обозначает себя и в паратексте. Новостной формат отличается коллективным образом автора, представленным брендом «Известия», конкретное имя журналиста-новостника не указывается.

При освещении темы домашнего насилия корреспонденты «Известий» обращаются к мнениям очевидцев или экспертов, насыщая текст полифоничностью, что усложняет авторское начало. Используются усложнения первой и второй степеней (косвенное цитирование и изъяснительные конструкции), а также усложнения третьей степени (прямое цитирование). В данном случае можно говорить о роли «*скромного информатора*»: автор предоставляет объективную информацию, разные мнения экспертов, но никак не высказывает своей личной оценки» [9, с. 30].

В некоторых случаях встречается слабая авторская позиция, говорящая об отношении автора к описываемым событиям. Выявить ее помогает анализ используемых речевых средств и структуры текста. В таком случае, пользуясь терминологией Т.В.Шмелевой, можно говорить о роли «*оценивающего информатора*», в которой автор позволяет себе выразить свое отношение к деталям событий.

Например, в новости «Жена Башарова решила развестись из-за побоев» автор грамотно выставляет хештеги, позволяющие классифицировать материал и облегчить пользователям тематический поиск. Обозначены следующие хештеги: *избиение, насилие, побои, разводы, артисты*. Случившееся названо прямо, без использования эвфемизмов, характерных для новостей о сестрах Хачатурян. В них авторы не единожды маркировали изнасилования и сексуальные домогательства как *издевательства*, уходя от прямой терминологии, несмотря на доказанность инцидентов. Здесь же автор называет побои *рукоприкладством* и выражает уверенность в объективности сообщаемой информации. Он пишет: «Это не первый случай *рукоприкладства* актера». Далее автор усиливает смысловую нагрузку с помощью союза *и*: «Башаров бил *и других своих женщин*», и в завершении с использованием оценочной лексики замечает: «Винной всему также стал *буйный нрав артиста*».

Речевое поведение авторов текстов о сестрах Хачатурян носит иной характер. Можно говорить о ненамеренной демонизации образа подсудимых. Например, в новости «Сестрам Хачатурян продлили меру пресечения» автор подробно останавливается на подробном, фактологическом описании убийства. Однако он полностью опускает факты, которые стали мотивом для совершения преступления. В этом и подобных текстах автор на протяжении нескольких месяцев использует одну и ту же повторяющуюся заготовку: «Трех сестер Хачатурян обвиняют в убийстве их 57-летнего отца Михаила. Тело мужчины со множественными колото-резаными ранениями было обнаружено в подъезде дома на Алтуфьевском шоссе в Москве... три сестры напали на отца с молотком, ножом и газовым баллончиком». Описывая мотивацию подсудимых, автор употребляет лишь одно слово — *издевательства*, которое в данном контексте является эвфемизмом, так как под ним подразумеваются многолетнее физическое, сексуальное и моральное насилие, приведшее младшую из сестер к психической травме и состоянию невменяемости (решение суда).

Несмотря на то, что эти факты были известны, журналист не включает их в медиатекст даже с привычным для подобных новостей словом *якобы*. Но после того, как факт насилия был доказан, в августе 2019 года журналисты меняют уже заготовленный текст и в следующих новостях подробно описывают как преступление, так и приведшее к нему насилие без эвфемизмов. Можно было бы говорить об авторском стремлении к роли объективного информатора, который не рискует публиковать информацию, не подтвержденную судом. Однако в других случаях, касающихся домашнего насилия, авторы нередко используют лексему *якобы*, означающую недоверие и неуверенность по отношению к тем или иным героям материала [10]. Используя данную лексему, автор публикует информацию, еще не доказанную судом. Возможно, причина лежит в сенсационности материалов, в их различной смысловой и общественной значимости. «*Якобы*» встречается в таких новостях как «*Бывшая жена Джонни Деппа отказалась молчать после иска о клевете*», «*Депп обвинил бывшую жену в нанесении ему травмы пальца*» и др.

Совсем иное авторское начало присутствует в статьях о домашнем насилии — также популярном в «Известиях» жанре, в котором автор выступает в роли *аналитика, публициста, выразителя мнений*. Интересно, что в данных случаях мы встречаем имя конкретного журналиста в паратексте, однако в последующем лиде он всегда деперсонализован и обозначает себя как составную часть «Известий», приобщая себя к коллективу и бренду. Все статьи данного СМИ имеют в лиде подобные конструкции. Интересно, что внутри них также нередко присутствует глубоко субъективная авторская оценка: «*В хитросплетениях германского права разбирались Известия*», «*Ученые-генетики накануне 1 апреля рассказали журналистам «Известий» о научной основе этой шокирующей гипотезы*» и др.

19 августа 2019 года «Известия» ввели интерактивный компонент в тело статей. Теперь читатель может сдвинуть «движок» в начале статьи, который называется «выделить главное». После этого ключевые моменты текста выделяются желтым цветом. Это не только упрощает прочтение лонгрида, но и демонстрирует персональную авторскую позицию — то, что автору кажется важным донести до своей аудитории.

Что касается темы домашнего насилия, в статьях журналисты «Известий» занимают правозащитную позицию, которая выражена не только в подборе фактов, статистик, разных форм цитирования, но и в выбранной лексике, в которой заложена эмоциональность, оценочность и субъективное понимание темы. Например, в статье «*Подыграть и взгрустнуть: как онлайн-психологи советуют жертвам насилия терпеть побои*» автор использует следующий подзаголовок: «*Почему советы доморожденных кризисных центров ставят под угрозу жизни тех, кто к ним обращается*». Далее встречаем высказывания по типу: *горе-психолог, поиграть в мозгоправов и др.* Используются риторические вопросы — *Вот только можно ли назвать подобную деятельность помощью?*, а также весьма однозначные высказывания с большой степенью авторской уверенности в произнесенном — «*Кризисный психолог тем и отличается от онлайн-советчика, что не станет говорить, что женщина — виновник всего происходящего в семье, и тем самым доводит ее до крайней степени отчаяния*».

Таким образом, можно говорить о том, что субдискурс домашнего насилия действительно имеет значение для современных ведущих российских СМИ: неслучайно, в «Известиях» данная тема объединяет четверть всего корпуса текстов внутри феминистского дискурса. Автор публикаций, как правило, выбирает новостной и аналитические жанры. В первом случае за редким исключением он выполняет функцию объективированного информирования без использования оценочной лексики, создает материал на основе изложения сухих фактов и цитирования. В данном случае авторское начало может проявляться только в тегах. Благодаря данному указателю видно, как именно сам автор маркирует содержание собственного текста. Нередко тег «домашнее насилие» опускается, и вместо него встречаются теги по типу *убийство, суд, адвокаты, разводы и пр.* В этом выборе просматривается то, что автор находит ключевым в описываемых событиях, и что — неважным.

Относительно субдискурса домашнего насилия в «Известиях» можно утверждать, что авторы занимают однозначную правозащитную позицию внутри обозначенного дискурса. Их мнение проявляется в яркой, экспрессивной, оценочной, разговорной лексике, риторических фигурах, метафорах, которые находятся в заголовке, подзаголовке и основном корпусе статей. В этом случае автор занимает публицистическую позицию и высказывая собственное мнение, одновременно олицетворяет себя с брендом «Известия» в целом.

1. Дежнев В.Н., Новикова О.В. Традиционные ценности: к определению понятия // Материалы Всеросс. науч.-практич. конф. «Стереотипы в глобальном пространстве: социальный, медийный и гендерный аспекты. Шадринск, 2015. С. 71-74.
2. Дейк ван Т. Дискурс и Власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: УРСС: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2015. 352 с.
3. Русова С. Не попали в статистику. Почему МВД не считает пострадавших от домашнего насилия, даже если они убиты [Электр. ресурс] // Такие дела. URL: <https://takiedela.ru/news/2020/08/27/ne-popali-v-statistiku/> (дата обращения: 01.09.2020).
4. Реальный масштаб домашнего насилия в России. 20 чисел [Электр. ресурс] // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2020/01/28/realnyu-masshtab-domashnego-nasiliya-v-rossii-20-tsifr> (дата обращения: 01.09.2020).
5. В МВД назвали число пострадавших от домашнего насилия женщин [Электр. ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5dd6844f9a794787117e082d> (дата обращения: 01.09.2020).
6. Зауэр А.А. Субдискурс домашнего насилия в русскоязычных медиа // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей. СПб., 2020. С. 71-78.
7. ТОП-10 СМИ [Электр. ресурс] // Газеты. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/> (дата обращения: 01.09.2020).
8. Шмелева Т.В. Медийное речеведение: сборник статей [Электр. ресурс]. URL: https://jf.spbu.ru/upload/files/file_1354569984_6705.pdf (дата обращения: 01.09.2020).
9. Новгородское медиаполе: опыты лингвистических исследований: коллективная монография / Под ред. Т.В.Шмелевой; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2015. 223 с.
10. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электр. ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 01.09.2020).

References

1. Dezhnev V.N., Novikova O.V. Traditsionnye tsennosti: k opredeleniyu ponyatiya [Traditional values: to definition of concept]. Proc. of "Stereotypy v global'nom prostranstve: sotsial'nyy, mediynny i gendernyy aspekty". Shadrinsk, 2015, pp. 71-74.
2. Teun A. van Dijk. Discourse and Power. Contributions to Critical Discourse Studies. Houndsmills: Palgrave MacMillan, 2008. [Rus. ed.: Diskurs i Vlast'. Reprerentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. Moscow, 2015. 352 p.].

3. Rusova S. Ne popali v statistiku. Pochemu MVD ne schitaet postradavshikh ot domashnego nasiliya, dazhe esli oni ubity [Not included in statistics. Why does the Ministry of Internal Affairs not consider victims of domestic violence, even if they are killed]. Takie dela. Available at: <https://takiedela.ru/news/2020/08/27/ne-popali-v-statistiku/> (accessed: 01.09.2020).
4. Real'nyy masshtab domashnego nasiliya v Rossii. 20 chisel [The real scope of domestic violence in Russia. 20 facts]. Meduza. Available at: <https://meduza.io/feature/2020/01/28/realnyy-masshtab-domashnego-nasiliya-v-rossii-20-tsifr> (accessed: 01.09.2020).
5. V MVD nazvali chislo postradavshikh ot domashnego nasiliya zhenshchin [Ministry of Internal Affairs reveals the number of women victims of domestic violence]. RBK. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5dd6844f9a794787117e082d> (accessed: 01.09.2020).
6. Zauer A.A. Subdiskurs domashnego nasiliya v russkoyazychnykh media [The sub-discourse on domestic violence in the Russian media]. *Sovremennaya mediasreda: traditsii, aktual'nye praktiki i tendentsii. Vzglyad molodykh issledovatelye*. St. Petersburg, 2020, pp. 71-78.
7. TOP-10 SMI [TOP-10 Media]. *Gazety*. Available at: <https://www.mlg.ru/ratings/> (accessed: 01.09.2020).
8. Shmeleva T.V. Mediynoe rechevedenie: sbornik statey [Media speech: a collection of papers]. Available at: https://jf.spbu.ru/upload/files/file_1354569984_6705.pdf (accessed: 01.09.2020).
9. Shmeleva T.V., ed. *Novgorodskoe mediapole: opyty lingvisticheskikh issledovaniy: kollektivnaya monografiya* [Novgorod media: experiments in linguistic research: collective monograph]. Velikiy Novgorod, 2015. 223 p.
10. Ushakov D.N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian language]. Available at: <https://ushakovdictionary.ru> (accessed: 01.09.2020).

Zauer A.A. The author in the subdiscourse of domestic violence (on the example of the newspaper Izvestia). The article examines the media subdiscourse of domestic violence on the example of the online version of the newspaper Izvestia. The factors of its formation and development in the Russian media are outlined. In particular, these include such social processes as the decriminalization of domestic violence in Russia and the story of the Khachaturian sisters. It is revealed that the number of texts about domestic violence is a quarter of the volume of all publications within the feminist discourse. An analysis of the author's speech behaviour in news and longreads is presented. The main types of author's positions are defined. The analysis of the used vocabulary and structure of the texts suggests that most often journalists of the Izvestia take professional media and human rights positions.

Keywords: media linguistics, discourse, subdiscourse, domestic violence, media, author.

Сведения об авторе. Анжелика Андреевна Зауэр — аспирант, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-6145-6330; az@monocler.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.10.2020. Принята к публикации 01.11.2020.